

Э.В. Георгиевский

«И СРАМОСЛОВЬЕ В НИХЪ ПРЕДЪ ОТЬЦИ...»

Аннотация: Искажение современного русского разговорного языка ненормативной лексикой представляет серьезную угрозу не только этнокультурной самоидентификации русского народа, но и, в полном смысле этого слова, национальной безопасности российского государства. Циничное использование взрослыми в повседневной речи так называемых «матерных слов» приводит к тому, что молодое поколение воспринимает это уже, практически, на генетическом уровне как совершенно нормальное явление. Нетрудно представить себе, что может произойти в ближайшее время с нашим языком, если не попытаться кардинально изменить ситуацию. В истории права России наиболее эффективно и последовательно защитой русского языка от проникновения в нее нецензурной брани, в том числе, занималась Русская православная церковь, осуществлявшая в рамках своей уголовно-правовой юрисдикции охрану чести и достоинства личности в период с XI по XVII вв. Однако только ее усилий сегодня может оказаться недостаточно, если не выработать эффективные меры противодействия на законодательном уровне.

Ключевые слова: Юриспруденция, срамословие, сквернословие, излает, оскорбление, урекание, церковные уставы, нецензурная, лингво-историческая, самоидентификация

Название работы, основанное на цитате из Повести временных лет, применено автором не случайно. Мы хотели бы поговорить о предмете, о котором в последнее время много говорят представители различных социальных слоев нашего общества, но практически не говорят юристы – о чистоте и безопасности русского языка. Да, именно безопасности, так как потеря лингво-исторической самоидентификации нации также опасна, как и потеря государственного суверенитета.

К сожалению, не справился с задачей охраны русского языка современный уголовный закон России, который Федеральным законом № 420 от 7. 12. 2011 г. исключил ст. 130 УК РФ «Оскорбление»¹. Справедливости ради необходимо отметить, что отдельные представители юридического сообщества занимали очень последовательную позицию по вопросу о недопустимости проникновения и дальнейшего распространения в современный русский язык матерных слов. Осквернение русского разговорного языка ненормативной лексикой не только противоречит определенным нравственным началам нормального развития человеческого общества, но и, порой, напрямую блокирует применение отдельных норм современного уголовного закона, таких,

например, как оскорбление, которое предусматривалось ст. 130 УК РФ, где оценочный признак «неприличная форма» практически целиком и полностью был основан на ненормативной лексике². И эта блокировка выражается в привыкании к ненормативному искажению языка, а значит и в снисходительном отношении правоприменителя к такому искажению, и, как следствие, в неспособности им оказывать должное законодательное противодействие.

Речь в рамках настоящей работы пойдет о явлении, получившем у наших далеких предков наименование «срамословие» (позднее – сквернословие). Однако мы не будем рассматривать историю и терминологическое многообразие того, что на официальном уровне называют «нецензурной бранью», а в просторечии «русским матом». Этой теме посвящено достаточно большое количество популярных работ художественного и публицистического характера. Мы хотели бы рассмотреть истоки борьбы государства российского с этим феноменом, борьбы, которую начала в XI в. и продолжала вести вплоть до середины XVII в. Русская православная церковь.

Мы уже коснулись того, что одно из первых упоминаний об употреблении неприличных слов в своем речевом обороте было свойственно уже нашим «догосударственным» предкам. Летописец Нестор

¹ Федеральный закон от 07. 12. 2011 г. № 420–ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

² См.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 144.

пишет в своей Повести: «И Радимичи, и Вятичи и Север одинъ обычай имяху: живяху в лесех, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами...»³. Христианская Русь считала подобное не только искажением языка, но и серьезным нарушением морали. Возможно именно поэтому одним из первых церковных уставов – Уставом князя Владимира закрепляется запрет на оскорбление бранными словами в том числе. По мнению Я. Н. Шапова, урекание, упоминаемое в Оленинской редакции устава, представляло собой исключительно оскорбление бранным словом и клеветой⁴. А. С. Павлов в своей системе религиозных посягательств особо оговаривает такой вид посягательств как личные обиды, совершаемые либо внутри семьи, либо особо позорными словами, либо особо оскорбительным способом. Возможно, данный состав исследователь относит именно к этой группе посягательств, полагая, что под уреканием следует понимать укоризну⁵ или брань⁶.

Митрополит Фотий в своем послании новгородцам от 29 августа 1410 г. особо оговаривает необходимость учить своих детей духовных «чтобы перестали от скверных словес неподобных, что ляяти именем отцевым и материным... Также бы и родители учили своих детей измала, чтобы не привыкали говорити лихих словес. А которые не имут слушати вас, а тех також от церкви отлучайте...»⁷. Синодальная редакция Устава (вторая половина XIII – начало XIV вв.), которая являлась наиболее распространенной, значительно дополняет девятую статью в части урекания. Урекание, как оскорбление становится уже трех видов – бранным словом (б...днею), обвинением в изготовлении зелий и в еретичестве. «Оурекания три: б...днею и зельи, еретичество»⁸. Хотя, например, А. С. Павлов сомне-

вается, что к оскорблению относилось и обвинение в еретичестве, которое упоминается в именительном падеже и, тем самым, не является определительным словом к термину «урекание». Оскорбление позорным словом «б...дь» считалось особо серьезным, так как под ним понималась не только проститутка и публичная женщина, но и вообще развратница. Данный термин в абсолютно равной степени был применим и к мужчине («б...дун»), и означал то же самое⁹. А. С. Павлов считает, что «б...денье», употребляемое в ряде списков, на церковно-славянском языке означает пустую речь, болтовню¹⁰.

Гораздо более четко сформулирован уголовно-правовой запрет на произнесение оскорбительных слов Уставом князя Ярослава. Так, статья тридцатая предусматривала различные размеры штрафов, в зависимости от социальной принадлежности потерпевшей, за оскорбление чужой жены позорным словом «б...дию». В. О. Ключевский считает, что, несмотря на «малопродуктивность» усилий церкви в этом направлении, безусловной заслугой церкви следует признать законодательное закрепление оскорблений в церковных уставах великих князей, так как это «было первым опытом пробуждения в крещеном язычнике чувства уважения к нравственному достоинству личности человека»¹¹.

Термин «б...дь» в древнерусском языке понимался в трех значениях, причем первое и второе значение этого термина постепенно из русского языка были вытеснены. Во-первых, под этим словом понимали болтуна и пустомелю. Во-вторых, ложь, неправду, обман. Согласно точке зрения М. А. Исаева, достаточно часто под этим термином в переносном смысле понимали идолопоклонничество и еретичество. Третье значение термина – прелюбодейка, с определенными смысловыми изменениями существует и по сей день. Однако, например, М. А. Исаев считает, что слово «б...дь» уже в Древней Руси означало представительницу древнейшей профессии, с которыми велась достаточно ожесточенная борьба. Правда исследователь уточняет, что во времена язычества и в первое время после крещения Руси данный институт носил определенные сакральные черты, связанные с

³ См.: Русские летописи. Т. 12: Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001. С. 12 – 13.

⁴ См.: Российское законодательство X—XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 145.

⁵ В Маркеловском изводе Оленинской редакции содержится термин «укорение» (Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. М., 1976. С. 20).

⁶ Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 103.

⁷ См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссией. СПб., 1908. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. С. 274.

⁸ См.: Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. С. 23.

⁹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третье, исправленное и значительно дополненное издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1. А – З. М., 1903. С. 246.

¹⁰ Павлов А. С. Указ. соч. С. 104.

¹¹ Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 224.

Внутренние угрозы и контрмеры

поклонением древнеславянской богине Мокоши¹². В. И. Сергеевич делает, на наш взгляд, существенное уточнение о том, что в указанный период времени на Руси оскорбительными словами являлись также «выб...док», «блудник», «прелюбодей». Челобитные по подобного рода оскорблениям встречаются между дел патриаршего разряда вплоть до XVII в.¹³

Предусматривали оскорбление, как состав, включающий в себя сквернословие, и ряд законодательных актов средневековой Руси, например, Устав о церковных судах новгородского князя Всеволода XIII–XIV вв. Однако сквернословия в русском обществе меньше не становилось. Одной из основных причин принятия Стоглава 1551 г. являлось ужасающее состояние нравственности мирян, которые, в том числе, умудрялись произносить «срамные словеса» прямо в церкви при осуществлении литургии. Общему падению нравов, как мирян, так и церковнослужителей, посвящаются вопросы двадцать один и двадцать два пятой главы Стоглава. В них говорится о том, что миряне практически превратили церкви в места для общения, а не для покаяния. В церквях стоят в головных уборах, с посохами, как на торгу или питейных заведениях. Говор, ропот, всякое прекословие, беседы и словеса смрадные. Не отстают от мирян и попы с дьяками, которые также глумятся и всякие речи праздные говорят, но кроме того еще и умудряются биться и драться в церкви промеж себя¹⁴. Двадцать седьмой и двадцать восьмой вопросы также посвящены ложным клятвам и сквернословью. «Кленутся именем божиим во лжу всякими клятвами, и лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными. И богомерзкими речми, иже не подобает хрестьяном». Авторы вопроса сокрушаются по поводу того, как же Бог терпит такое массовое сквернословие – «Как бог терпит нашему безстрашию?». Примечательно, но в двадцать восьмом вопросе есть упоминание о том, что у иноверцев нет такого бесчиния¹⁵.

Справедливости ради необходимо отметить, что и светское уголовное законодательство древне-

русского государства занималось охраной чести и достоинства древнерусского человека, правда, достаточно избирательно. В основном это были князья, бояре и боярские слуги. Так, вторая статья Двинской уставной грамоты 1397 г. аккумулирует в себе несколько практически однородных посягательств. «А кто кого излает боярина, или до крови ударит, или на нем синева будут, и наместницы судят ему по его отечеству безшестие; тако ж и слuze»¹⁶. При этом для определения вербального оскорбления используется достаточно своеобразный термин «излает». Оскорбительные слова в народном мировоззрении приравнивались к собачьему лаю. Правда, необходимо отметить, что статья носит ярко-выраженный сословный характер, так как специальными потерпевшими выступают только бояре в соответствии с их «отечеством» и их слуги¹⁷.

Согласно точке зрения ряда исследователей, вплоть до первой половины XVI столетия об оскорблениях чести, осуществляемых вербально, в законодательных актах древнерусского государства практически не говорится. И связано это не со слабостью развития законодательства, а с его разрозненностью и четкой адресной направленностью, так как в этот период законодательство формировалось в основном в аспекте актов местного самоуправления¹⁸.

В 1649 г. выходит в свет Соборное уложение царя Алексея Михайловича Романова, и, вместе с этим, прекращается самостоятельная уголовно-правовая юрисдикция Русской православной церкви. Именно таким образом заканчивается в истории России один из самых значительных и серьезных этапов борьбы с искажением русского языка. Конечно, это не означает, что церковь перестает противодействовать аморальному поведению своей паствы, но делает она это уже не в рамках государственно-правовых полномочий. Автору этих строк представляется, что именно позиция Русской православной церкви по данному вопросу является наиболее устойчивой и последовательной, что, как нельзя лучше, отражает радение о государственных интересах и будущем нашей страны.

¹² *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 18.

¹³ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 255.

¹⁴ См.: Российское законодательство X – XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 273.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 181.

¹⁷ Хотя, например, по мнению М. В. Духовского, термин «слuze» необходимо отождествлять со всем остальным «черным людом» Двинской земли (*Духовской М. В.* Понятие клеветы, как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль, 1873. С. 170).

¹⁸ См., об этом: *Омельченко С. С.* Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI – XVII вв. // Актуальные вопросы российского права. 2008. № 1. С. 243.

Библиография:

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третье, исправленное и значительно дополненное издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1. А – З. – М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1903. – 1724 с.
2. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
3. Духовской М. В. Понятие клеветы, как преступления против чести частных лиц по русскому праву / М. В. Духовской. – Ярославль: Тип. Губерн. Зем. Управы, 1873. – 251 с.
4. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – М.: Спарк, 2001. – 119 с.
5. Ключевский В. О. Русская история: полн. курс лекций. В 3 кн. Кн. 1 / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – 572 с.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.
7. Омельченко С. С. Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI – XVII вв. // Актуальные вопросы российского права. – 2008. – № 1. – С. 240 – 247.
8. Павлов А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с.
9. Российское законодательство X—XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 430 с.
10. Российское законодательство X—XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – 520 с.
11. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссией. – СПб.: В тип. императ. акад. наук., 1908. – Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. – 1472 с.
12. Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. – Рязань: Александрия, 2001. – 583 с.
13. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 488 с.
14. Федеральный закон от 07. 12. 2011 г. № 420–ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

References (transliteration):

1. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: tret'e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie / Pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. 1. A – Z. – M.: Izdanie t-va M. O. Vol'f, 1903. – 1724 s.
2. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. / Izd. podgot. Ya. N. Shchapov. – M.: Nauka, 1976. – 240 s.
3. Dukhovskoy M. V. Ponyatie klevety, kak prestupleniya protiv chesti chastnykh lits po russkomu pravu / M. V. Dukhovskoy. – Yaroslavl': Tip. Gubern. Zem. Upravy, 1873. – 251 s.
4. Isaev M. A. Tolkovyy slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiei do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva / M. A. Isaev. – M.: Spark, 2001. – 119 s.
5. Klyuchevskiy V. O. Russkaya istoriya: poln. kurs lektsiy. V 3 kn. Kn. 1 / V. O. Klyuchevskiy. – M.: Mysl', 1993. – 572 s.
6. Kuznetsova N. F. Problemy kvalifikatsii prestupleniy: Lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestupleniy» / Nauch. red. i predisl. akademika V. N. Kudryavtseva. – M.: Izdatel'skiy Dom «Gorodets», 2007. – 336 s.
7. Omel'chenko S. S. Oskorblenie i kleveta v ugovnom prave Rossii XI – XVII vv. // Aktual'nye voprosy rossiyskogo prava. – 2008. – № 1. – S. 240 – 247.
8. Pavlov A. S. Kurs tserkovnogo prava / A. S. Pavlov. – SPb.: Lan', 2002. – 384 s.
9. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov : teksty i komment. v 9 t. / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1984. – T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. – 430 s.
10. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X – XX vekov : teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O. I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1985. – T. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. – 520 s.

Внутренние угрозы и контрмеры

-
11. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu arkheograficheskoyu komissiey. – SPb.: V tip. imperat. akad. nauk., 1908. – T. 6. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1. Pamyatniki XI–XV vv. – 1472 s.
 12. Russkie letopisi. T. 12. Lavrent’evskaya letopis’. – Ryazan’: Aleksandriya, 2001. – 583 s.
 13. Sergeevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava / V. I. Sergeevich; pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. – M.: Zertsalo, 2004. – 488 s.